

Китовые письма

Высоко за облака поднимался, взмахивая плавниками, точно крыльями, полосатый кит с кожаной сумкой, переброшенной через стройное тело. На его спине удобно устроились небесный почтальон Егор Денисович со своим четырнадцатилетним сыном Алёшей. Они летели над лугом, усыпанным цветами, и слышали, как замолкали птицы, а вдалеке назревала гроза, и беспечнолись, что не успеют уладить свои дела к обеду.

Обоим сделалось зябко, когда полился мелкий дождь. Кит сильно перепугался воды, заревел и стал хлестать хвостом в прохладном воздухе.

Они приземлились в близлежащей деревне, и тогда Алёша раскрыл цветастый полотняный зонт. Спрятавшись под ним, они шагали вдвоём мимо кудрявых лип, засаженных по обеим сторонам тропинки, и думали о ясной спокойной вышине. Особенно и долго размышлял Егор Денисович, который всегда занимался своей работой с воодушевлением. Алёша же с досадой глядел на отца и раздражался оттого, что был пока маленький и не мог самостоятельно разносить письма. Он предавался мечтам и видел себя в них одетым в коричневый дорожный костюм, верхом на ките с гибкими усами, переполняясь светом всепоглощающего счастья. Алёша с детства любил смотреть на улыбки и слёзы радости получателей.

— Нам бы где-нибудь укрыться, — сказал Егор Денисович. — Дождь очень сильный. Смотри, там горит свет! Спросим, могут ли нас приютить ненадолго.

— Спросим.

Егор Денисович взошёл по ступеням синего дома к бледной двери и постучал. Послышался топот торопливых шагов. Кит тотчас же разместился под тенью навеса. Ни в коем случае его нельзя было видеть незнакомой живой душе, как и знать о тех, кто является необычным почтальоном.

Дверь открыла молодая черноволосая девушка с доверчивым и грустным выражением лица. Она впустила продрогших без лишних разговоров и провела их на кухню, чтобы разлить чай. Внутри хорошо убранной комнаты Алёша в раздумьях обратил внимание на фотографию бледнолицего человека в траурной рамке. Он сел на резной стульчик и спросил с любопытством:

— Кто это?

Повисло неловкое молчание. На печальную Настю нахлынули воспоминания, она подала мёд и мармелад с печеньями, поправила кружевную скатерть на столе и неохотно начала рассказывать. — Был у меня брат Матвей, человек добрый и любящий. Когда наши родители умерли, он неустанно заботился обо мне и работал допоздна, чтобы как-нибудь прокормить нас. Я была маленькой и глупой и воспринимала его чувства как должное. Однажды брат вышел не в свою смену, так как я отказалась уехать с ним в большой город на книжную ярмарку и вместо этого отправилась на свидание. Вечер прошёл замечательно, и я на радостях хотела поскорее сообщить Матвею о том, что выхожу замуж. Непонятно почему, но к ночи в моём сердце поселилась тревога.

Здесь у Насти заблестели глаза, и она разразилась слезами. Егор Денисович постарался немного успокоить её.

— Матвей долго не отдыхал, а ведь работа на станках требует внимательности. Неизвестно, за что ему такая участь... На лесопилке ему отрезало руку, и он вскоре умер. А человек, за которого я собиралась выйти замуж, расстался со мной. Я так обвиняю себя, что не поехала с братом! — воскликнула Настя в невыразимой скорби. — Как мне перед ним извиниться? Его уже нет больше года, а я до сих пор страшно мучаюсь.

Алёша проникся сочувствием к Насте и твёрдо решил, что обязан помочь ей.

Дождь не кончался. На ночь Егор Денисович и Алёша устроились в свободной комнате. Мальчик не спал, потел, спокойно ворочался в кровати и ощущал, как какие-то силы шептали ему двигаться вперёд. Он выскочил бесшумно из дому и как был, в пижаме, взобрался в рвении на сонного кита. Как только зверь прогнал сладкие остатки сна, они вместе устремились ввысь, где вспыхивали молнии. Кит негромко и обиженно ворчал. Но затем, невольно заражаясь энтузиазмом мальчика, он упорно и настойчиво пробивался сквозь тяжёлый ледяной ветер, стену воды и раскатыстые громохвонья. Алёша крепко схватился за дрожащие поводья; с ними крупно тряслась сумка. Страх охватывал его душу, но он отчаянно

боролся с ним и воображал лицо храброго отца, на которого старался быть похожим.

Через некоторое время тучи рассеялись, и Алёша с другом скоро оказались внутри прозрачного купола, полного неодинаковых китов. Умершие обретали живость, писали трогательные письма своим любимым людям и отдавали их почтальонам, чтобы те после направлялись на землю и оставляли послания адресатам.

Алёша искал Матвея и расспрашивал о нём с волнением каждого, кто попадался на пути. Когда, казалось, он потерял всякую надежду и кит его остановился, чтобы передохнуть, из-за линии горизонта показалась высокая человеческая фигура. Мальчик поспешил навстречу. Он узнал Матвея. Они поняли друг друга без слов. Матвей сожалел о том, что не связывался с сестрой и оставил её в одиночестве. Алёша забрал светлое письмо из его жилистых нервных рук.

Мальчик хлопнул ободряюще по спине кита. Они вернулись в деревню, когда наступил влажный розово-серый рассвет. Сладко пахло душистой свежестью, и Алёша вдыхал её, гордясь своей смелостью.

Егор Денисович встретил сына сердечно. Он строго отругал его за непослушание, но, заметив мягкое письмо, мокрое от слёз, слегка смягчил свой резкий тон.

Перед тем как вновь пуститься в дорогу, мальчик оставил письмо Насте, незаметно положив его на тумбу в гостиной.

Егор Денисович и Алёша простились с девушкой, сели на кита и исчезли бесследно в сияющей дымке.

Настя прочла послание не сразу. Она взяла его осторожно в ладони и застыла в растерянности, а потом нежно улыбнулась. Наконец она почувствовала безмерное облегчение!

Проклятая ворона

Чердак под крышей был устроен с самым что ни на есть небрежным удобством. В дальнем углу, вперемешку с рваными одеялами, подушками и махровыми полотенцами, валялся матрац, наружу которого выбивалась вата, по центру громоздился кривой стол, уставленный посудой. Обе кровати напротив старого диванчика представляли собой зрелище не настолько печальное. Как мне потом вспоминалось, постель на них была застелена, а игрушки аккуратно разложены, не потрёпаны, отчего складывалось впечатление, что за ними ухаживали.

Внутри не было окон, лишь свеча на подставке горела тусклым светом и освещала лица нескольких людей. Одно из них было старческое, дряблое и посеревшее. Старуха по имени Лиля в затасканной ночной рубашке глядела на меня стеклянными, чуть влажными глазами и густо краснела. Моё неожиданное появление её ничуть не обрадовало.

— Как ты сюда попал? — спросила она, пряча мальчика и девочку за спиной.

Дети были настроены ко мне решительно мирно. Тонкие, точно скелеты, усыпанные родинками, веснушками, они хотели подойти ко мне поближе, но Лиля не давала.

— Через дверь, — ответил я спокойно.

— Я тебе не верю. Признавайся, что ты здесь делаешь? — спросила она громко.

— Ну, ну, спокойно, я вас не обижу. Я просто проходил мимо и услышал, как тут кто-то шепчется.

Я шагнул вперёд, и под моими ногами затрещали доски. Лиля замахнулась на меня, и мне почудилось, что её глаза сверкнули звериным блеском, а седые косы распустились в полутьме. Я перепугался и поднял руки. Она хотела было напасть, но её придержали дети и стали клянчить сырок в корзиночках.

— Не сейчас, родненькие... потом... потом...

— Ты ведь обещала!

— Да где же я их вам найду?

— С изюмом, — добавил серьёзно мальчик и насутился.

Затем он улыбнулся мне ласковой улыбкой и спросил голосом как у самого простодушного хитреца:

— А вы, случайно, не умеете печь?

— Ох, это не по моей части, к сожалению, — сказал я не без чувства неловкости. — Зато я умею помогать как детям, так и взрослым, выручать из беды.

— Как это? — спросила девочка, наострив уши. — Вы волшебник? Прямо как...

Мальчик не дал ей договорить и зашипел:

— Цыц, муха!

— В какой-то степени. Я предпочитаю звать себя хорошим человеком.

Девочке мой ответ понравился. Она протянула крохотную чумазую ладонь.

— Видишь, он нам зла не причинит. Не ругайся с ним.

Лиля всё ещё была недовольна мной, но усмирить гнев сумела и позволила нам пожать руки.

— Можно я присяду?

— Садись куда хочешь, только не мешай. Мы собирались спать, — рявкнула Лиля и, устроившись на матраце, прикрыла голову платком.

— Хорошо, как скажете.

Мальчик подмигнул мне, а дальше дети сделали вид, что уснули. Как только стемнело, скорее всего, и Лиля захрапела, они выглянули из-под одеял и, дружно захихикав, поторопились за стол. Я передвинул бесшумно кастрюлю, чтобы можно было поставить локоть, и зашептался сначала с девочкой, так как она смотрела на меня, прежде всего, с искренним уважением, а не с любопытством.

— Почему вы живёте на чердаке? Разве это ваш дом?

— Да. Мама говорит, что мы здесь давно.

— Я подумал, что она ваша бабушка.

— Не-а, мама. Представляю, что будет, если она пойдёт и увидит, что вы до сих пор не ушли.

— Но вы же заступитесь за меня?

Мальчик молча кивнул, и тут же моего ботинка коснулся чей-то хвост. Я невольно дрогнул и, вскочив со стула, разбудил Лилю, спавшую нечутким сном.

— Что ж вам неймётся-то, а?

Дети посчитали, что я из пугливых, и взорвались смехом. Из-под стола показалась крупная чёрно-белая морда кота, всего косматого, заросшего, похожего на дворового пса. Лоб его был замусолен, а усы слиплись, словно когда-то он перемазался в клее и с тех пор не умывался.

— Ну-ка, малышня, бегом по кроватям, — повелительным тоном произнесла Лиля. — А не то достану веник и кое-кому надаю. Заодно и вам, не посмотрю, что вы уже не мальчик, а юноша.

Так началась моя странная жизнь на чердаке. По ночам я просыпался в каком-то радостном предвкушении, что вот-вот Лиля поведаёт мне свою строгую тайну. Я ждал того дня, когда она пересилит упрямство и откроется мне, но она была настойчивее, чем я предполагал. Большую часть времени она посвящала засушенным травам, раскладывала их по мешочкам да подписывала огрызком карандаша, чтобы не забыть. За то время, что я пробыл у них, она ни разу не провела уборку, молчала, будто была немой.

Как-то раз я заметил дыру в полу, а после детального осмотра отыскал ещё четыре и спросил детей, знают ли, откуда они появились. Они много воображали и намекали, что видели через них бегущего по лестнице страшного маленького человека с серебряной звёздочкой на чёрных погонах. Девочку особенно поразило то, как он твёрдо, почти цепко держал оружие и лицо его при этом выражало злое равнодушие. По её словам, он готов был выстрелить, если бы его попросили.

Я задумался. Это могло быть правдой.

— То-то же. Человек придёт ещё раз. Мы боимся. Он попытается нас убить.

— Зачем ему вас убивать?

— Потому что мы не выходим. А если бы и вышли, то он всё равно бы нас достал.

— Я не допущу, чтобы он поднялся к вам, — пообещала я детям и с тех пор прислушивался ко всякому звуку, доносящемуся снизу.

Кот казался мне чудным, так как часто вставал на задние лапы, высовывал кончик розового языка и, бывало, мяукал громко-прегромко, и в голодном, тоскливом мяуканье этом было больше человеческого, нежели животного. Я полюбил кота с первого взгляда. Он ходил за мной по пятам, но однажды пропал. (Это событие послужило поводом для многих откровений.) Я нигде не мог его отыскать и мучился от угрызений совести, что

не доглядел за ним. Не без страха я обратился к Лиле, которая читала мальчику какую-то сказку. Видя, как я тревожусь, она впервые отнеслась ко мне с сочувствием и пониманием и, несмотря на постоянное напряжение, которое не ослабевало между нами, сжалась и призналась тихо, что кота пришлось прирезать. У меня закружилась голова, меня замутило. Не было для меня в тот момент никого опаснее Лили. Я начал презирать её за жестокость, но знал, что по-другому быть не может. Я позволил ей объясниться.

— Дети голодали. Я тоже. Выслушай меня! Я понимаю, как оно выглядит со стороны, но дело в том, что мы не можем отсюда выбраться по самой любопытной причине. Вишь, всюду досками заколочено — не продаться?.. Когда мне исполнилось двенадцать лет, я стала превращаться в разное зверье. Да не смейся, правда всё! Соседские детишки прозвали меня колдуньей и просили воплощаться, но я не поддавалась на их уговоры, так как боялась взрослых. Мать плакала и молилась, чтобы я поскорее выросла и уехала из дому, отец кричал, что утопит. Прокажённая я была, ведьма, дурында. В городе меня приютила одна женщина с двумя младенцами на руках. Она приняла меня как собственную дочь, научила пользоваться магией. Я больше не была одна и могла жить полной, счастливой жизнью. Через лет пять развязалась война, и мою покровительницу, мою добрую подругу застрелили немцы. Перед тем как бежать, я забрала её детей и пообещала, что никогда их не брошу. Мы нашли здесь пристанище и кое-как сводили концы с концами. Но кто-то доложил о моих способностях. Мы сидели тихо, смиренно, как мыши, не могли и вдоха сделать, когда услышали людской беспорядочный топот. Настюшка плакала беззвучно, пока я держала её на коленях, а Влад принимал ко мне, и всё его обессиленное, тощее тело дрожало, как от мороза. Он застонал в отчаянии, и нас услышали. Прозвучал выстрел. После второй, третий. Я закрыла уши детям, дверь распахнулась, и меня как будто волной окатило. Утром я очнулась от режущей боли в сердце и подумала, что жива и невредима. Снаружи стояла тишина; казалось, не было войны. Пошла будить детей, но заметила, что дверь замурована и нельзя спуститься на этаж ниже. Мы кричали, но к нам никто не поднялся. Через день или два я обнаружила кота, спящего за шкафом для книг, и он был цел, хотя до этого мы его съели, чтобы не умереть от голода. Я предположила, что сошла с ума. По правде говоря, так оно и есть. Я сильно исхудала, почти не спала, а только тревожилась и зажигала свечу, чтобы в комнате мерцал хоть какой-то свет. Вскоре немцы пришли вновь. Мы переживали происходящие ужасы вновь и вновь, но знала о них я одна. Я не человек, но помню, что когда-то была им

и любила солнечный свет. Он озарял мою душу и дарил надежду на светлое будущее...

Без лишних слов я крепко обнял Лилию, и она заплакала на моём плече, а как только успокоилась, я принял решение и попробовал отодрать доски. Ни одна из них, к сожалению, не поддавалась. Я передвинул стол, прихватил свечу и, встав повыше, осветил ею крохотное заколоченное окошечко на самом верху, докуда было трудно дотянуться. — А что это вы делаете? — спросил Влад, заправляя кровать.

— Осторожно, не упадите, — забеспокоилась Настюшка. — Ой-ой, как высоко!

— У меня полный порядок.

Я посмотрел на Лилию, и она улыбнулась мне застенчиво и устало. Губы её слегка задрожали.

Лома, а тем более гвоздодёра на чердаке не было, а потому приходилось справляться голыми руками. Я уже посадил не одну занозу и разодрал пальцы в кровь, но преодолевал боль и не останавливался. Несчастье людей придавало мне сил и твёрдой уверенности.

Как только дело подошло к концу и комнату озарил луч золотистого света, в котором разлеталась пыль, загрохотали шаги и раздались крики. Прозвучал выстрел. В полу зияла новенькая дыра. Ещё чуть-чуть, и всё пошло бы по-старому. Я не мог допустить, чтобы Лиля и дети с котом мучились, потому что ни одно живое существо на свете не заслуживает страдать вечно.

Нацисты, как призраки, проскочили через стену, но я успел открыть окно, и они застыли на месте, перед этим опустив оружие. Позы их сделались расслабленными. Они не представляли угрозы.

— Мама! — воскликнула Настюшка, и тут её лицо заискрилось от веселья. — Мама, вот ты говорила, что он такой-сякой, а он не просто хороший человек, он такой же волшебник, как и ты!

— Облака? — спросил Влад. — Пожалуйста, давайте отправимся на улицу? Заодно корзиночки купим. — И поскорее, — добавила Настюшка. — Что в духе-то сидеть и без сладкого?

— Сейчас, хорошенькие, не торопимся... погодите-погодите...

— Ну мам, ты же обещала! — заныл Влад, потянув её за рукав. — А обещания надо выполнять.

Лиля засмеялась неожиданно звонко, как совсем молодая девушка, сжалась в комочек и, зависнув в воздухе, превратилась в тёмную красивую ворону. Расправив крылья, она плавно взмыла в окно. Дети испарились следом, и кот, мяукнув мне в последний раз не без неодолимой тоски, которая, казалось, преследовала всю его кошачью жизнь, пропал бесследно, теперь уже навсегда.

Свеча догорела.

Мне хотелось плакать от счастья и просто радоваться тому, что я был в этом мире, слышал звуки и чувствовал запахи.

Следующим утром я очутился в своей комнате и тут же убрал книгу, которая лежала возле меня. На ней была нарисована милая старуха с мальчиком и девочкой.

Война свирепая и циничная. Она калечит людей и забирает многих невинных... Ну а сколько ещё таких книжных героев, забытых всеми, даже их собственными создателями, которые придумывали для них непосильные испытания, томится на страницах? Несправедливо считать, что слова остаются всего лишь словами. И люди, и птицы, и звери под обложками ничем не отличаются от наших, они стремятся к покою и любви и, как и мы, переживают за себя и родных, молятся, чтобы не было войны. Так разве я не должен использовать свой дар во благо, освобождать их от бремени, которые они несут только потому, что остаются героями? Я не могу не помогать. Это и значит быть хорошим человеком.

Безлюдье

1.

Город неизменно озаряло солнце. Не слышался шум торопливых шагов, машин, автобусов, грохот и суeltливая возня. В два-три часа гомильную тишину прерывал ветер. Он не поднимал пыль, по обыкновению, лишь завывал на монотонном безликом фоне. Ни света, ни воды, ни отопления в плоских многоэтажках, квартирах-сотах, ни одного существа, кроме нас двоих.

Постройка, в которой мы жили, стояла на холме, откуда можно было рассмотреть, что происходило внизу, ведь сверху не менялось ничего. Выходя на крыльцо, я вытягивала шею и глядела на мост, ведущий вдаль. Сестра замечала, что я витаю в облаках и мечтаю о том, чтобы узнать правду.

— Он бесконечный.

— Мы не проверяли.

— И не проверим, если не пойдём! — упрямо отвечала она, складывая руки. — Я хотела бы остаться здесь навсегда. Мне не важно, одни мы или нет.

С тоской в груди я изливала душу. Мне не приходило в голову, что, высказывая сомнения и опасения, я могла расстроить сестру.

— Нас должно быть больше. Кто построил город? Естественно, что не мы.

— Люди до нас, — произносила она совершенно уверенно. — Только так.

Если был кто-то до нашего времени, то куда исчез? Мысль о том, что мы окончательно не пропащие, двинула меня открыто признаться в желании оставить дом. Драка оказалась бесполезной; впрочем, уговоры тоже не подействовали.

Отправились в путь сразу, как поставили замок на дверь. В уединении страхи мешались, и мы подозревали, что у кого-то из нас был хитрый

план насчёт другой. Я не доверяла сестре, следила внимательно за каждым её взглядом, а если засыпала, то не закрывала глаза.

II.

Она шагала рядом в стоптанных туфлях и в мешковатом платье, я — босиком, расцарапывая пальцы. В этой одежде мы встретились впервые.

На самом деле нас не объединяло кровное родство. Не сумев заручиться моей дружбой, она провела менее тесную связь, обзываемую сестринской, и теперь утверждала, что была выброшена матерью на произвол судьбы. Воображение сестры рисовало картины неизведанного прошлого, в котором она воспитывалась в семье без любви и счастья. То ли фантазии, то ли реальные воспоминания, но её что-то постоянно мучило. Я не расспрашивала и не выведывала подробности, чтобы совсем не разжечь любопытство.

На лице сестры отражалась усталость, сопряжённая с унынием. Казалось, мост не закончится никогда. Кожа моя, как и её, была белой, рыхлой, а так как мы отличались смешной уродливостью и слабой памятью, то решили не придумывать имён. Всякая мелочь и всякая деталь не должна была затуманить мозг. Истоичённые, мы брели бесцельно, не в силах связать и двух слов. По крайней мере, нам ничто не досаждало.

Сестра упала замертво, прижавшись щекой к горячему асфальту. Мольбы о помощи не последовало.

Я произнесла без горечи:

— Останешься на мосту, пока не вернусь.

— На нас не ложится загар, — разлепив сухие губы, сказала сестра.

— Да.

— Мы идём не меньше семи часов.

— Это моя идея.

— Проблема в том, что мы не остались.

— Отпусти! — выкрикнула я, когда она крепко уцепилась за ногу.

У сестры был жалкий вид, от которого волей-неволей во мне пробуждалось сочувствие. Волосы закрывали её тёмно-синие, полные боли глаза, непропорциональные конечности шелушились. Я испытывала к ней всё и ничего, но ранее выражала только недовольство и терпеливое снисхождение. Сестра уловила проблеск надежды, когда я изобразила натуральную улыбку.

— Пожалуйста, — позвала она мягко. — Пожалуйста, не оставляй! Меня как-то оставили, и я сильно боюсь. Очень-очень боюсь, что и ты покинешь меня однажды!

— Куда я пойду?

— Например, туда, — сестра указала на нежный свет, мерцающий впереди.

Я взяла её на руки. Виновато спохватившись, она пробормотала:

— Ты чересчур сильная для женщины.

— Может, я и сильная, — я наморщила брови и добавила необычным равнодушным тоном: — Лучше будет, если мы не расстанемся. Не позволю тебе развести нюни.

Я брела молча, таща сестру как тяжкий и одновременно драгоценный груз. Я бы тащила и дальше, но путь перегородила невидимая стена. Сколько бы я ни билась в неё, сколько бы ни ругалась на несправедливость и дрожала, она не пропускала, а наоборот, делалась агрессивнее и после многократных попыток пройти принялась нас отталкивать, будто живая. Меня охватил безмерный страх. Сестра держалась спокойно и не перебила, когда я затараторила:

— Чёрт-те что! Ни за что! Уйду! Уйду в лес!

— Что, если эти границы... ну, повсюду?

— Вот и посмотрим!

— Мне это не нравится.

— Мне тоже. Ну вот нисколько!

Два человека на свете, мы обе тревожились, сжимались в трепещущий ком, но вновь и вновь предпринимали попытки обратить боязнь неизвестности в мощный стимул, чтобы узнать причину нашего одиночества.

Я припустилась в бег. Сестра, немного передохнув, последовала за мной. Нам было не весело, а грустно и волнительно в ожидании развязки. Что поджидало за следующим поворотом? Я не сдержала жутко-радостного крика:

— Мы не одни!

Сестра повернулась ко мне с выражением, близким к ужасу.

Мост был длиннее, чем хотелось бы. Я разодрала ступни в кровь.

III.

Лес, дремучий, тёмно-жёлтый, к огорчению, также имел границы. Стена, воздвигнутая чьей-то рукой, тянулась от земли до неба, её нельзя было перескочить или перелететь. В этом мы убедились на днях, когда поставили батут и подпрыгнули так высоко, что ударились о препятствие и отскочили назад, как резиновые мячи. Сестра вдобавок получила серьёзную травму и неделю не вставала с постели. Позднее она призналась, что притворялась, чтобы я не изучала город, а осталась с ней и ухаживала как за больной.

В другой день, когда я перебирала пустые газеты, чтобы отыскать хоть одно слово, она прибежала ко мне в слезах и упала на колени. Плечи её сотрясала мелкая дрожь, а губы кривились в презрении к месту, которое она считала пристанищем.

— Пойдём скорее, прошу!

— Что опять стряслось? — спросила я будничным тоном и сразу пожалела об этом.

— Комнаты... наши комнаты!..

— Что с ними?

— Они стали цветными! — ахнула она в полнейшем изумлении.

— Может, ты и впрямь больна, а я просто не замечала?

— Убедись сама, что я не обманываю.

Сестра твёрдой походкой направилась к холму. Я осталась там же, где и была. Бумаги, книги, газеты и прочие издания оставались пустыми, словно их не успели наполнить буквами, числами и не успели сочинить истории и новости. Причём все они были разворощены, оставлены, по всей видимости, в отчаянной спешке.

Забрав несколько книг, я бросилась домой, убеждённая в том, что комнаты окажутся бежевыми, а не цветастыми. Каково же было моё удивление, когда я переступила порог и мне в глаза бросились аляповатые обои. Масло на палитре художника: красное, голубое, зелёное, оранжевое, фиолетовое, розовое!

Сестра кинулась в ванну и указала на раковину, окрашенную в густой рыжий цвет. Кухня и обе спальни являли собой редкое безобразие. У меня перехватило дыхание от увиденного. Я поддалась панике и присела в неоновой гостиной, пропахшей краской.

— Нас запугивают?!

— Вряд ли, — откликнулась сестра. — Ведь никого нет. Стена мешает.

— Возможно, что где-нибудь существует лазейка. Кто-то прячется, не хочет выходить, но подаёт знаки...

— Таким странным образом, — отметила она озабоченно и прервалась на всхлипы.

— Предлагаю переехать.

Сестра покачала головой, не веря в мою затею. Весь дом изнутри нуждался в ремонте!

— В любом случае я не останусь на холме.

— Забери! — сказала она, грозно помахивая принесёнными книгами. — Они мне не нужны. Я вымоталась.

— Тебе разве не интересно, что случилось?.. В конце концов, кто мы с тобой?

— Сёстры, — ответила она несколько неуверенно и высморкалась в платок.

— А ещё?

— Люди.

— Но когда мы поняли, что мы люди?

— В детстве, наверное.

— Но я не помню своего детства! Такое чувство, что я была рождена взрослой и взрослой остаюсь, — высказала я сожаление и пролистала книги, до которых не дотянулась сестра. — Они без содержания, без строк! Как ты это объяснишь?

— Я о подобном даже не размышляю.

— Постарайся ради меня? На досуге.

Перед тем как выйти, я кинула неосторожную фразу:

— Что, если мы ненастоящие?

IV.

Город был невзрачный и равнодушный, но даже среди запустения попадались следы заботливой человеческой природы. Парк, разбитый неподалёку от кинотеатра, театр, сцена которого была обставлена картонными декорациями. Я сидела в пятом ряду, напевая песню. В моём представлении не участвовали артисты, и не было зрителей, оглушительно хлопающих в ладоши. Одна я видела зал, рассматривала бурые портьеры и слышала голос, собственное дыхание.

Месяцы я проводила в магазине с игрушками. Больше всего были продуманы мягкие динозавры, фигурки персонажей сериалов и фильмов, компьютерные диски.

Сестра, измученная переживаниями, вскоре провела меня и осталась.

Мы выяснили, что есть сон. Нам снились трогательные, странные сны о высоком мальчике с прыщами. У него была чистая, нежная душа.

— Что он делал в твоём сне?

— Радовался. Он чем-то занимался и сиял от счастья. Вроде бы стучал по клавиатуре.

— А в моём плакал, — говорила сестра.

— Сильнее, чем ты?

— Сильнее, чем я.

В магазине нас согревали воспоминания, от которых бегали мурашки. Мы упивались торговом и страдали, ударялись из крайности в крайность, не пытаясь сохранить равновесие. Мы были под охраной синих птеродактилей, пластмассовых коробок и мятых шорт.

V.

Сестру будили голоса, доносящиеся с неба. Я уже не смеялась над её подозрительностью и страхом, а привычно произносила:

— Повезло.

Когда с ней случалась истерика, я тоже рыдала, заламывая руки, и вместе мы кричали в облака: — Кто здесь?

Нам отвечало эхо: «Кто здесь!»

Воодушевление, в котором мы пребывали, испарилось, как лёгкий, но сладкий запах духов, и сменилось апатией. Мы молча прижимались друг к другу, а когда говорили, то делали это тихо, не издавали лишних звуков. Выяснилось, что стена, которая нас не выпускала, опоясывала город. Нам некуда было бежать. Приходилось жить бессмысленно, как прежде.

Сестра однажды ушла без предложения. Она наконец-то поняла, почему я была несчастна.

И когда я оставила магазин, дарящий блаженство и боль, на меня посмотрело чужое лицо. Оно появилось в ослепительном небе. Это было квадратное лицо молодого человека. Он видел меня, а я его, и у меня не хватало слов, чтобы описать, насколько я робела и волновалась. Я была белой,

как песок, но чувствовала, что в любую секунду могу покраснеть от смущения.

Человек говорил грустно:

— Наверное, постоянная работа важнее. Я понимаю, что от меня требуется. Будь хорошим специалистом, следи за режимом, не ешь на ночь и всё такое. Но знаешь, Свечка, я иногда думаю, что могло быть всё по-другому. Вы с сестрой, наверное, не помните.

VI.

По ту сторону экрана за креслом на колёсиках действительно сидел молодой человек. Надпись на его футболке гласила: «Будь собой, пока не истекло время». После рабочего дня в душном офисе он предавался воспоминаниям и решительно не знал, что ему делать в будущем.

— Я так трудился над городом! Хотя и сейчас он выглядит ужаснее некуда. Они были правы. Всё без изюминки, всё без фантазии,—огласил он однозначный вердикт.— Всё, кроме вас и некоторых мест. Тогда, в двенадцать лет, у меня было слишком много идей и слишком мало опыта. Кто бы объяснил ребёнку, что его творчество не слабое и заслуживает внимание? Я не хочу жаловаться, потому что горем делу не поможешь... Но если бы!.. Да, если бы ты, Свечка, увидела, что я вытворяю сейчас и не показываю, потому что боюсь осуждения, то похвалила бы меня.

Человек продолжал говорить, и на него смотрели чёрные, не по-компьютерному умные глаза. Ему показалось, что моделька заморгала. Не может быть, чтобы она умела моргать! Она выглядела гордой и самое главное—счастливой. Она подозвала сестру и заговорила очень ласково с человеком: — Мы не знали, что это игра. Я предполагала. Это ты построил мост?

— Да,—произнёс он неуверенно, обуянный смятением.

Галлюцинации?

Сердце подсказывало ему взяться за дело, которое он когда-то горел. Теперь он был достаточно взрослый, чтобы не реагировать остро на критику.

— И нас ты тоже создал?

— Это был я.

— А цветные стены?

— Какие стены?

— В доме на холме,—пояснила Свечка.

— Обычный глюк, ничего сверхъестественного.

— Неужели тебя остановили такие же любители игр? Я не верю, что есть сила, способная уничтожить момент творчества.

Сестра Свечки вступила в диалог:

— Мы не верим. Я хотела остаться на холме, но тогда бы не узнала, кем являюсь.

— Ты была создана ещё той прилипалой с печальным прошлым,—улыбнулся человек.— Извини, если что не так.

— Я благодарна тебе. Не хочу быть другой,—призналась сестра, словно испытывая неловкость.— А как меня зовут?

— Воск. Неудачное имя?

— Сгодится! Я же не какой-нибудь Фитиль и не Подсвечник, служащий дополнением к Свечке. Я Воск!—рассмеялась сестра беззаботно.

— Не забрасывай нас! Мы подождём сколько нужно. Только не забывай о своей детской мечте. В отличие от нас, ты живёшь не в коробке с невидимыми стенами, а в мире, в обществе. Пользуйся возможностями. Ведь, как и мы, ты не один,—закончила Свечка и расплакалась, так как впервые ощутила, насколько противоречив настоящий человек и сколько в нём бушует беспочвенных сомнений, неодолимых страстей, которые несравнимы с её чувствами—чувствами незаконченной героини в незаконченной компьютерной игре.